

образъ учителя, съ отпечаткомъ скорби на високомъ челѣ—загадочной для молодежи и изрѣдка разсѣваемой доброй, участливой улыбкою.

Нѣсколько поколѣній внимательныхъ слушателей прошло передъ кафедрой Кудрявцева, но едва ли мы ошибемся, если скажемъ, что самое сильное впечатлѣніе П. Н. оставилъ на послѣднихъ курсахъ, его слушавшихъ. Для нихъ его лекціи имѣли не только образовательное, но и воспитательное значеніе; онѣ служили имъ не только введеніемъ въ исторію, но, можно сказать, откровеніемъ исторіи. Онъ читалъ тогда студентамъ перваго года исторію Востока—пространный четырехъ-часовой курсъ. Исторія Древняго Востока получила въ пятидесятыхъ годахъ новый, почти-что современный, интересъ, благодаря поразительнымъ, по своимъ результатамъ, раскопкамъ въ Месопотаміи и быстро развивавшемуся чтенію іероглифовъ. Вышедшее въ то время сочиненіе Дункера соединило въ одномъ изящномъ цѣломъ разрозненные труды специалистовъ и богатствомъ раскрывавшейся въ немъ жизни приводило читателей въ восторгъ, какой рѣдко выпадалъ на долю ученаго труда. Курсъ Кудрявцева былъ отраженіемъ этого новаго, горячаго интереса къ древнему Востоку, овладѣвшаго наукой, и передавалъ слушателямъ одушевленіе, возбуждаемое въ изслѣдователяхъ вновь открытою колыбелью человѣческой цивилизаціи. Новѣйшая исторія была тогда запретнымъ плодомъ въ нашихъ университетахъ, но едва ли студенты стали бы слушать съ большимъ вниманіемъ рассказы о событіяхъ 48 года, чѣмъ то, съ которымъ они прислушивались на лекціяхъ Кудрявцева къ исторіи фараоновъ, только-что вышедшихъ изъ своихъ гробницъ на свѣтъ науки, или къ новому истолкованію родословной народовъ въ книгѣ Бытія ¹⁾. Несмотря на свою сухость, этотъ послѣдній предметъ имѣлъ для студентовъ особенно заманчивый, таинственный интересъ. Это была первая попытка на ихъ глазахъ связать въ одно священную и мірскую исторію, внести въ область первой твердые научные приемы и одухотворить сухую лѣтопись о завоеваніяхъ и паденіи восточныхъ государствъ великими вопросами о происхожденіи человѣчества и его религиозныхъ идеаловъ. Здѣсь, кажется, нужно искать главную причину глубокаго впечатлѣнія, которое производилъ этотъ курсъ Кудрявцева. Хотя курсъ и не выходилъ изъ строго-историческихъ рамокъ, черезъ него просвѣчивалась философская мысль Шеллинга о единствѣ религіознаго сознанія въ человѣчествѣ и преемственности религіозныхъ пред-

¹⁾ По сочиненію Кнебеля: „Die Völkertafel in der Genesis“.